СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ ПЛАШКОУТ

ТАЙНА НОТАРИАЛЬНОГО АРХИВА



ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ◆ НИЖНИЙ НОВГОРОД

Сергей Вяземский

Последний плашкоут

«Автор»
2026

Вяземский С.

Последний плашкоут / С. Вяземский — «Автор», 2026

Ноябрь 1883 года, Нижний Новгород. Река Ока несётся ледяной шугой, и на рассвете артельщики разводят последний плашкоутный мост, отрезая город от вокзала. В это же утро на Рождественской улице находят убитым нотариуса Костылёва. Рядом с креслом стынет стакан с горько-пряным осадком, карманные часы замерли на одиннадцати пятнадцати, в камине тлеет вырванный лист из книги вексельных протестов, а на чистых половицах белеет след крупного речного песка и лодочного дёгтя.Пристав уже готов повесить убийство на беглого писца, а столичный прокурор торопит закрыть дело к отчёту губернатора. Но судебный следователь Фёдор Головин сверяет каждую бумагу по трём книгам. Кто переправился через ледяную Оку в обход разведённого моста и чей подлог скрыт в пепле?

© Вяземский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дым над Рождественской 5
Глава 2. Жилетный карман и недописанное письмо 10
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Последний плашкоут

Глава 1. Дым над Рождественской

Понедельник четырнадцатого ноября начался для судебного следователя Фёдора Сергеевича Головина с запаха мокрой овчины и нетопленной печной сажи, который внёс с порога полицейский рассыльный. Часы на комоде в тесной квартире на Благовещенской площади показывали половину восьмого, за двойными рамами ещё стояла плотная предрассветная муть, и только далёкие огни керосиновых фонарей на спуске к Волге прорезали тяжёлый сырой ветер. Головин сунул озябшие ноги в мягкие валеные туфли, распечатал короткую записку от пристава Рождественской части Николая Афанасьевича Сухова и сразу поморщился от неловкой, наспех выведенной канцелярской строки: в конторе нотариуса Костылёва в нижнем посаде найден хозяин без признаков жизни, следы несомненного насилия и гарь из камина, а пристав просит его высокоблагородие прибыть безотлагательно к вскрытию бумаг и осмотру покоя.

Через четверть часа Головин уже сидел в пролётке, глубоко втянув голову в суконный воротник форменного пальто и придерживая коленями кожаный саквояж с протокольными бланками и лупой в роговой оправе. Лошадь скользила коваными подковами по промозглому булыжнику Зеленского съезда, мимо чёрных кремлёвских стен, над которыми летели рваные свинцовые тучи. Внизу, за каменными рядами Скобы, река дышала студёным паром и глухим, сухим скрежетом. На плашкоутном мосту через Оку, сколько можно было разглядеть с полугоры в жёлтых бликах затухающих утренних фонарей, копошились тёмные фигуры в полушубках: артельные крючники и мостовые рабочие с баграми торопились отводить средний пролёт барж, чтобы навалившаяся сверху ночная шуга не разорвала причальных цепей и не унесла деревянную переправу к волжским отмелям.

«Вот и отрезало Заречье», проворчал извозчик, придерживая вожжи у крутого поворота на Рождественскую улицу и косясь через плечо на судейскую кокарду пассажира. «Со вчерашней ночи каша пошла от Муромской стороны, а к утру, слышь, сам полицмейстер приказал плашкоуты к берегу оттягивать. Теперь ни из Канавина сюда, ни отсюда к чугунке конному проезду не будет, покуда не скуёт».

Головин промолчал, только поправил сползшее на переносье стальное пенсне. Левый глаз его, ослабленный давней детской болезнью, в предрассветных сумерках всегда принимал свет тяжелее, зато правый схватывал каждую мелочь на ходу: и редкие запоздалые подводы с мешками ржаной муки у Блиновского пассажа, и свежую тёмную лужу под водостоком, и зажжённый у каменных ворот второго флигеля фонарь, возле которого переминался с ноги на ногу в озябших руках городовой. Завидев следователя, городовой вытянулся, с хрустом отдал честь и отворил низкую калитку во двор, вымощенный щербатым кирпичом.

Во дворе стояла негромкая толпа дворников в фартуках и соседских приказчиков, пахло конским навозом из сарая, сырым углём и тем особым приторным дымком погасшей древесной бумаги, который долго держится в каменных колодцах. Пристав Сухов спустился с узкой чугунной лестницы сам. Был он коренаст, плечист, с жёсткой проседью в коротких баках и старым, бледным порезом поперёк левой кисти, оставшимся с давней уездной потасовки на перевозе. Вместо приветствия Сухов протянул руку к приоткрытой дубовой двери на второй этаж и сказал хрипло, с ночной усталостью в голосе:

«Семь часов без четверти полотёр Фёдор Савельев из соседней мануфактурной лавки увидел из сеней сизый чад и треснувшую форточку над двором. Поднялся с веником, думал, угар или труба засорилась, толкнул дверь, а она не заперта на засов, только язычок сбился. Ну, он сунулся и заорал на весь двор. Я прибыл через двадцать минут, ни единой бумажки трогать

не велел, дворников выставил на улицу, понятых уже позвали из лавочников, а городовой врач Лев Карлович должен подъехать с Жуковской улицы с минуты на минуту».

Головин снял в сенях калоши, вытер подошвы о жёсткую рогожу и вошёл в контору нотариуса Ивана Никифоровича Костылёва. В первой, приёмной комнате было холодно, пахло старой пылью, сургучом и дешёвым конопляным маслом от погасшей лампадки под медным образом в углу. Поперёк комнаты тянулся сосновый барьер с прикрученной на шурупах железной кассовой сеткой, за которой стояли две потемневшие от чернил писцовые конторки. Одна из них была пуста и чиста, даже гусиные и стальные перья сложены в стакан остриями вниз, зато на полу под порогом в кабинет белело свежее пятно, на первый взгляд похожее на рассыпанный меловой порошок. Головин опустился на одно колено и провёл пальцем в тонкой замшевой перчатке по шероховатой доске половиц. На коже остался крупный жёлтый речной песок, смешанный с крохотными древесными опилками и липкой чёрной точкой, пахнущей не городским угольным шлаком, а тяжёлым смоляным дёгтем, которым на баржах и лодках промазывают шлюпочные уключины. На грязных сапогах с мостовой Рождественской улицы обычно таскали тёмный серый суглинок с перемолотым булыжным крошевом, но никак не суховатый, крупнозернистый песок речной косы.

«Сапоги мы потом посмотрим отдельно», негромко заметил Головин и переступил через порог внутреннего кабинета, оставив пристава и понятых у дверного косяка, чтобы не затоптать доски.

Кабинет нотариуса оказался нешироким, с двумя высокими окнами во двор и массивным голландским камином из тёмно-зелёных изразцов. Воздух здесь застыл тяжёлый, горький от сгоревшей гербовой бумаги и какого-то чужого сладковато-приторного оттенка, забивавшего даже привычную нотариальную кислинку орешковых чернил. Иван Никифорович Костылёв лежал боком возле красного суконного кресла у дубового стола, словно хотел приподняться, да оступился и рухнул левым плечом в край подставки для бумаг. Седые баки растрепались, ворот крахмальной сорочки был скомкан и расстёгнут на медной запонке, а на левом виске темнела багровая ссадина без рваных краёв. Застывшие пальцы правой руки ещё слабо цеплялись за бахрому зелёной скатерти, стянув её на пол на добрую четверть аршина.

Прямо под рукой убитого валялась тяжёлая восьмигранная медная печать для прижимания сургуча с точёной ручкой из мореного берёзового капа. Сухов кивнул на неё многозначительно, как на готовую разгадку:

«Видите сами, Фёдор Сергеевич, в висок хватили с размаху, благо штука эта добра три фунта потянет, а потом в камине бумаги жгли. Трактирный сиделец на Софроновской показал околоточному ещё до моего прихода, что давеча в девятом часу вечера мимо окон пробежал без картуза писец покойного, Пашка Сорокин, и левая рука у него была наспех замотана тряпкой в крови или саже, словно в потасовке зацепило».

Головин не стал возражать приставу вслух. Он подошёл ближе к телу, не касаясь пока одежды до приезда доктора, и склонился над медной пресс-печатью, наведя на её блестящие грани карманную лупу. Медь тускло отражала холодный серый свет из разбитой форточки, но на острых рёбрах восьмигранника не нашлось ни волоска с седых баков нотариуса, ни крошки запекшейся крови, ни даже вмятины на мягкой древесной рукояти, какая неизбежно легла бы при сильном ударе о человеческую кость. Только тонкий серый пух конторской пыли с одной стороны был смазан ровно так, словно тяжёлая штука просто скатилась со стола вместе со стянутой зелёной скатертью.

«Не торопитесь писать в протокол про удар печатью, Николай Афанасьевич», произнёс следователь тихо и перевёл взгляд на стол. «Поглядите лучше на самовар, на стаканы и на часы».

Медный самовар на круглом подносе у стены успел простыть до ледяного звона, на нём сиротливо стоял пузатый фарфоровый заварник с треснувшим носиком. Рядом на зелёном

сукне, ровно напротив кресла гостя, темнели два гранёных стакана в дешёвых мельхиоровых подстаканниках. Один, прямо перед местом самого Костылёва, был выпит чуть не до донышка, и на влажных стенках ещё плавали размокшие чаинки; другой, со стороны посетителя, стоял едва пригубленным, почти полным, а на самом дне его остывшего коричневого настоя белёсой мутью осел какой-то мелкий кристаллический осадок, будто от недорастворённого сахара или порошка. Головин поднёс осторожно край стакана к носу, стараясь не расплескать жидкость, и тут же почувствовал сквозь затхлый чайный лист резкий, чуть холодящий и горьковато-пряный дух, похожий не то на прелую антоновку, не то на крепкое аптечное снотворное снадобье.

«Прикройте листком чистой бумаги и никого не подпускайте к подносу», распорядился Головин, ставя стакан обратно на прежнее место, точно в отпечаток влажного кольца на сукне. «Оба стакана пойдут к доктору Штернбергу и далее к провизору во врачебную управу за печатью».

Ближе к краю стола, прямо под локтем нотариуса, лежала нетронутая синяя почтовая обёртка, перевязанная тонкой бечёвкой крест-накрест. Через надорванный уголок просвечивала аккуратная пачка радужных сторублёвых и двадцатипятирублёвых государственных кредитных билетов с ясно читаемой карандашной надписью сверху: «Две тысячи рублей в уплату Сормовской конторы». Грабитель, если бы он шёл сюда ради казны или выручки, должен был бы забрать этот пакет первым делом, ещё не подходя к камину. Но деньги остались на самом видном месте, не тронутые ничьим пальцем, зато поодаль от них, на крашеном полу между ножкой кресла и порогом, блестели осколки тонкого часового стекла и серебряный корпус карманных часов на оборванной цепочке.

Головин нагнулся, вглядываясь сквозь лупу. Стрелки разбитых часов замерли точно на одиннадцати часах пятнадцати минутах вечера. А высоко на простенке между шкафами, над самым камином, негромко и ровно, словно ничего в комнате не случилось, постукивал длинный деревянный маятник стенных ходиков, показывавших восемь часов без семи минут утра.

«Вот любопытная вещь», пробормотал следователь. «Половицы здесь вымыты на совесть ещё к воскресному дню, ни пыли лишней, ни сургуча нигде под ногами. А взгляните вот сюда, под самый левый подкос конторки».

Пристав Сухов тяжело присел рядом, кряхтя в тесном мундире, и вытянул шею. Там, в тени дубовой резной ножки, лежала плоская, отколотая острым углом пластинка чёрного сургуча, величиной с копеечную монету, и в ней намертво вплавился обрывок грубой, некрашеной пеньковой нити. Между тем на самом письменном столе нотариуса Костылёва аккуратно стояла спиртовка, железная ложечка и целый лоток с обломками обычного ярко-красного казённого сургуча, а на крючке сбоку от ящика висел моток тонкой зелёной шёлковой тесьмы, которой у нотариусов в Нижнем Новгороде обычно сшивали актовые выписи. Чёрный дешёвый сургуч и толстую пеньку частные конторы на Рождественской не держали уже лет пятнадцать: такими запечатывали разве что казённые пакеты в уездных земских и полицейских правлениях да старые купеческие тюки на пристанях.

Следующий шаг привёл Головина к камину. Железная решётка была прикрыта наполовину, внутри чернела груда лёгкого хрупкого пепла, осевшего после того, как кто-то открывал форточку, чтобы вытянуть едкий дым на мороз. Осторожно, тонкими костяными щипчиками из своего саквояжа, следователь раздвинул верхний слой золы у чугунного угла. В самом низу, прижатый отсыревшим березовым поленом, уцелел несгоревший угол толстой гербовой и прочной конторской бумаги со следом красной шнуровки. По желтоватому краю тянулись чёткие печатные графы реестра, а в обгоревшем остатке рукописной строки чернилами фиолетово-железистого отлива читались лишь конец учётного номера «...47» и верхний край даты «14 нояб...».

Головин замер с щипчиками в руке. За окном глухо провыл в утреннем тумане одинокий гудок буксира, сбиваемого течением от Сормова к берегу, и на мгновение ему показалось, будто кто-то невидимый до сих пор стоит у соседней конторки и сверяет календарь.

«Четырнадцатое ноября только сегодня наступило, господин пристав», сказал Головин медленно, не отрывая взгляда от обугленного клочка. «А Иван Никифорович, судя по золе и остывшему железу, либо сам готовил запись в книгу ещё вчера вечером на сегодняшний утренний час, либо же убийца дожидался полночи. Но зачем нотариусу сжигать собственную шнуровую книгу, если он всю жизнь кормился от её целости и старший нотариус при Окружном суде взыщет за порчу реестра не только штрафом, а и судом?»

Сухов вытер ладонью влажный от холода лоб и глухо ответил:

«Не он сжигал, Фёдор Сергеевич. Тот сжигал, кому эта строка под сорок седьмым номером к утру четырнадцатого числа была страшнее петли. А где ж сама книга вексельных протестов? Вот её шкаф, поглядите».

Узкий дубовый шкаф слева от стола оказался не заперт: медный ключик с привязанной берестяной биркой торчал прямо в замочной скважине. На средней полке ровным рядом стояли толстые переплетённые тома в коленкоровых корешках с тиснеными годами от тысяча восемьсот семьдесят восьмого до нынешнего восемьдесят третьего. Крайний справа фолиант, перетянутый по корешку свежестёртой красной наклейкой «Протесты векселей за вторую половину 1883 г.», лежал поперёк стопки, словно его выдернули второпях и бросили обратно не на место. Головин перелистал жёсткие пронумерованные листы в самом конце книги. На последних заполненных страницах аккуратным бисерным почерком писца шли записи за одиннадцатое и двенадцатое ноября, дальше стояла пустая строка, а прямо за ней из переплёта торчал неровный белый заусенец: один лист перед самой сургучной скрепой у задней корки был вырван резким движением руки так, что оборвал красную шёлковую нить на два узла ниже казённой печати мирового судьи и нотариального архива.

Внизу на каменной лестнице загремели тяжёлые шаги, и через минуту в приёмной раздался ровный, суховатый голос с лёгким остзейским выговором. Городовой врач Лев Карлович Штернберг вошёл в кабинет в длинном меховом картузе и бобровой шубе с обмёрзшими краями воротника, от которой сразу повеяло свежим ноябрьским морозом, карболкой и сухим табаком. Не снимая шубы до поклона следователю, он быстро осмотрел покойника, присел на корточки, тронул озябшими жёлтыми пальцами запястье и шею Костылёва, осторожно приподнял веко и понюхал рот и края губ покойного.

«Сначала, Фёдор Сергеевич, скажу вам одно, прежде чем вы напишете лишнее в свой предварительный акт», сказал доктор Штернберг, поднимаясь и доставая из саквояжа клеёнчатый фартук. «Господин пристав уже успел мне внизу шепнуть про тяжёлую печать и ссору в девять часов. Можете оставить эту сказку для ярмарочной газетки. Вот это пятно на виске у него не разбитое и без вдавления кости, оно едва сочилось, и то когда сердце уже почти не гнало кровь. А вот шея под воротничком прихвачена так ровно и мягко, что ни ногтей, ни верёвочной борозды нет, словно давили толстым шёлковым шарфом или суконным кашне через спинку кресла, когда человек уже не мог поднять рук».

«Сонный был, Лев Карлович?» быстро спросил Головин, кивнув глазами на прикрытый бумажкой недопитый второй стакан.

Штернберг покосился на поднос, снял пенсне на чёрном шнурке и прищурился на часы, валявшиеся у кресла:

«А часы врут. Я вам без вскрытия в покойницкой Мартыновской больницы пока часа с точностью до четверти не подпишу, но окоченение в кистях ещё не дошло до полной твёрдости, и под рёбрами тело держит остаток недавнего тепла, хотя в кабинете градусов шесть по Реомюру, не больше, из-за битой форточки. Если он лежал на холодном полу с одиннадцати часов вечера у открытой рамы, он бы давно промёрз насквозь, как лещ на базаре. По первому

глазу смерть взяла его глубокой ночью, никак не в одиннадцать, а часа в два или около трёх утра, уже после полуночи».

Пристав Сухов крякнул и с досадой сплюнул в носовой платок, отворачиваясь к окну. Версия о сбежавшем в девять часов вечера мальчишке-писце Сорокине затрещала по всем швам прямо на месте осмотра, ещё до первого протокола. А за окном, сквозь выбитую мелкую форточку, донёсся глухой, протяжный треск с реки: на Оке артель отвела от берега последний свободный плашкоут и потащила по обледенелой колее тяжёлый железный канат. Город на нагорном берегу и Заречье окончательно разошлись по разные стороны тёмной, закипающей ледяным салом воды, и где-то там, за мутной рекой, в тепле трактирных залов или у вокзальных касс Канавина уже спокойно пил утренний чай человек, который знал, почему лист под номером сорок семь не должен был дожить до открытия присутствий четырнадцатого ноября.

Глава 2. Жилетный карман и недописанное письмо

Когда крытые сани-розвальни, присланные из Мартыновской губернской земской больницы, увезли накрытое рогожей и чистой простынёй тело нотариуса в сопровождении околоточного и доктора Штернберга, в конторе на Рождественской наступила короткая, колючая тишина, какая бывает только в выстуженных домах, где только что погасла чужая жизнь. Из открытого камина тянуло ледяной сыростью кирпичной трубы, на подоконнике синел утренний иней, и даже огарки стеариновых свечей в медных шандалах казались серыми, как несвежее сало.

Не успел Фёдор Сергеевич достать из саквояжа свежий прошнурованный лист для составления подробного протокола осмотра вещественных доказательств, как на чугунной лестнице вновь застучали быстрые, уверенные каблуки, и дверь в приёмную распахнулась с таким упругим треском, словно вошедший принес с собой весь напор губернской власти. То был товарищ прокурора Нижегородского окружного суда Серафим Ильич Крутов, молодой, тридцати одного года, сухощавый и подтянутый, в отлично сшитом вицмундире судебного ведомства и бобровой шапке, с которой даже не успел стряхнуть мелкую сухую крупу ноябрьского снега. От него разом пахнуло тонким столичным одеколоном и крепкой гаванской сигарой, выкуренной на пролётке по пути с Верхнего базара.

«Бог в помощь, Фёдор Сергеевич», негромко, но с той особой начальственной живостью, которая не ждёт ответа, проговорил Крутов, оглядывая кабинет быстрыми тёмными глазами и брезгливо переступая через размокший след у порога. «На Благовещенской с утра уже гудит весь Верхнебазарный корпус. Полицмейстер Николай Густавович через дежурного отдал приказ, а в губернаторской канцелярии, вы знаете нрав Николая Михайловича, с девяти часов уже допытываются, на каком основании среди белой улицы под носом у Рождественской части режут присяжных людей. Вы уже выписали постановление о задержании беглого писца?»

Головин снял пенсне, неторопливо протёр стёкла замшевым лоскутком и лишь затем водрузил его обратно на переносье, глядя чуть мимо сияющих пуговиц товарища прокурора прямо в холодный квадрат окна.

«Прежде чем выписывать постановление о заключении под стражу, Серафим Ильич, я намерен окончить осмотр наличных бумаг и карманов покойного при понятых», отвечал следователь ровным, сухим тоном, от которого у торопливых людей обыкновенно портилось настроение. «К тому же городовой врач Лев Карлович только что осмотрел тело перед отправкой в покойницкую на Жуковскую. Удар тупой печатью, на который так уповает полиция, нанесён по его предварительному усмотрению без повреждения кости и едва ли стал причиной смерти. Да и скончался Иван Никифорович не в девятом часу вечера, когда из ворот видели уходящего писца, а глубокой ночью».

Крутов нетерпеливо дёрнул плечом, отчего на сукне шинели рассыпалась белая игольчатая пыль инея, подошёл к креслу у стола и долго смотрел на обугленный камин, потом на остывший самовар и на серебряный часовой кружок на полу.

«Доктор Штернберг, при всём моём уважении к его дерптской учёности, человек педантичный до крайности и любит выговаривать себе отсрочки», возразил товарищ прокурора уже суше, без прежней светскости. «Трактирные сидельцы на Софроновской площади не слепые: они прямо показывают, что Павел Сорокин бежал отсюда без шапки, с обмотанной тряпкой левой рукой, будто обжёгся или порезался. А что в камине? Свидетельство вексельного реестра! Если мелкий писчишка подделал приходную или стащил наличность у старика да испугался расправы, неужели мы станем три дня ждать аптекарской реторты и упустим его через последнюю полынью к Бору или в Канавино на поезд? Я обязан сегодня же к вечеру доложить прокурору палаты и подать ясный обзор о движении дознания».

«Дознание, как вам отлично известно по статье двести пятьдесят четвёртой Устава уголовного судопроизводства, есть обязанность полиции и состоит под вашим непосредственным руководством», спокойно напомнил Головин, опускаясь на стул и раскрывая прошнурованную тетрадь. «Предварительное же следствие по статье двести шестьдесят четвёртой я веду собственной властью и несу ответ перед Окружным судом не за скорость доклада, а за материальную истину. У покойного на столе лежат две тысячи рублей кредитными билетами в нераспечатанной синей обёртке. Потрудитесь взглянуть, Серафим Ильич, стал бы мелкий воришка оставлять две тысячи под локтем убитого и при этом уносить с собой лишь выдранный лист из шнуровой книги?»

Крутов наклонился к столу, вгляделся в перетянутую тонкой бечёвкой пачку кредитных билетов и на несколько секунд смолк, покусывая коротко стриженный ус. Тонкие ноздри его слегка дрогнули, но уступать следователю так сразу он явно не желал.

«Мало ли от чего дрогнула рука у мальчишки», обронил он наконец. «Спугнули с улицы, шаги послышались на лестнице, он и кинулся впопыхах, бросив деньги. Впрочем, прошу вас осмотреть карманы и стол при мне и понятых. Николай Афанасьевич, пожалуйте ближе, да скажите купцу Ерофееву и приказчику Дормидонтову, чтобы глядели в оба, не отворачиваясь в окно».

Понятые, дородный бакалейщик Ерофеев в долгополом суконном кафтане поверх тулупа и худощавый приказчик соседнего лабаза Дормидонтов, степенно перекрестились на потухший медный образок в углу и придвинулись к зелёному столу, стараясь не наступать подшитыми валенками в золу у камина. Пристав Сухов уже надел чистые нитяные перчатки и бережно, словно боялся потревожить застывшее тепло старого человека, принялся выкладывать на чистый лист пропускной бумаги вещи из одежды покойного, снятые перед увозом тела в присутствии врача и запечатанные на месте, да оставшееся содержимое боковых карманов дорогого драпового сюртука и суконного жилета.

На белый лист легли потёртый сафьяновый бумажник с серебряной монограммой, роговая табакерка, пахнувшая мятным нюхательным зельем, чистый батистовый платок с вышитыми в углу буквами «И. К.», связка из трёх мелких плоских ключей на стальном кольце, медный носовой гривенник, несколько серебряных двугривенных и тонкая черепаховая гребёнка для бакенбард. Всё это Головин методично диктовал в протокол Сухову, пока рука пристава не опустилась в узкий, глубокий правый карманчик плотного чёрного жилета, на котором ещё болтался обрывок золочёной часовой цепочки.

«А вот тут ещё вещица завалилась под подкладку, Фёдор Сергеевич», буркнул Сухов и вытянул двумя пальцами маленький латунный ключик для завода карманных часов с коротким четырёхгранным стерженьком и резным ушком. «От тех самых серебряных, что под креслом со стеклом битым лежат?»

Головин взял ключик на ладонь и на минуту задержал взгляд на его тусклом латунном колечке, прежде чем опустить находку в отдельный бумажный конверт. Ключ лежал в правом кармане жилета глубоко и плотно, хотя само кольцо для цепочки на серебряных часах, валявшихся на полу, пустовало, а отломанный край колечка цепочки поблескивал возле ножки кресла. Зачем было нотариусу отстёгивать ключик и прятать его в жилет, если часы упали в одиннадцать часов пятнадцать минут во время борьбы? Или же он вынул ключ ещё раньше, чтобы завести часы вечером перед сном, да не завёл? Следователь не стал торопиться с догадками и только вписал предмет в опись с точным указанием кармана, в котором он был найден.

Затем последовал осмотр бумажника. Внутри обнаружились сорок семь рублей мелкими ассигнациями, два купона на благотворительный вечер в Нижнем базаре, визитная карточка московского присяжного поверенного с пометкой про октябрьскую ярмарочную тяжбу и маленькая кожаная записная книжечка в сафьяновом переплёте. Головин перелистал жёлтые страницы с простыми карандашными пометками. На последней неделе стояли столбики

сумм с короткими сокращениями вроде «Сорм. верфь», «Лапт. опека» и трижды подчеркнутая строчка против двенадцатого числа: «Напомнить к понед. 14-го по грац. сроку, Ф. и З. сорок восемь».

«Ф. и З. сорок восемь», повторил Головин вполголоса, ощутив, как холодок привычного охотничьего внимания сменяет утреннюю сонливость. «Сорок восемь тысяч? Или сорок восемь рублей? Для сорока восьми рублей мелкой конторы по нотариусам с грационным сроком не гоняют».

«Грационные дни, Фёдор Сергеевич, нынче по Уставу о векселях десять суток для срочных бумаг», вставил вдруг Крутов, показав, что петербургское училище правоведения не прошло для него даром. «Значит, срок платежа падал на четвёртое ноября, а с десятью грационными днями истекал вчера, тринадцатого, в воскресенье. По закону протест в неплатеже делается на другой день, то есть нынче четырнадцатого с утра».

«Совершенно точно, Серафим Ильич», согласился Головин, впервые за всё утро бросив на молодого товарища прокурора почти одобрительный взгляд. «Вот откуда в камине обугленный кусок с началом записи на четырнадцатое ноября. Старик знал, что на другое утро, чуть откроются присутствия и конторы, по этим векселям придётся совершать протест, а кто-то не мог позволить ему перенести эти строки в шнуровую книгу».

Подойдя к дубовому столу, следователь перебрал три мелких ключа со стального кольца. Третий подошёл к замку среднего выдвижного ящика. С лёгким сухим щелчком медный язычок отошёл, и Головин потянул тяжёлую доску на себя. Внутри царил строгий, почти аптечный порядок старого дельца: слева лежала перевязанная зелёной тесьмой тонкая коленкоровая тетрадь с заглавием «Приходно-расходная запись по принятым к протесту бумагам за ноябрь 1883 г.», посередине покоился футляр с запасными перьями, а справа, под тяжёлой чугунной линейкой, белел лист крупной вержевой бумаги, исписанный ровно на две трети знакомым мелким, сухим почерком самого Ивана Никифоровича Костылёва.

Головин осторожно поднял бумагу за верхний уголок и стал читать, наклонив голову под серое утреннее окно.

«Его высокородию господину старшему нотариусу при Нижегородском окружном суде», начал он вслух, и в комнате сразу замерло даже скрипящее дыхание купца Ерофеева. «Секретно и в собственные руки. Доношу вашему высокородию, что при сличении представленной мне поверенным актовой доверенности и закладной описи на два каменных амбара, что на Стрелке под фирмою торгового дома Лаптева, равно как и приложенной к оной копии выписи из метрической о раскольниках книги за тысяча восемьсот семьдесят шестой год по Семёновскому уезду, открылось мне обстоятельство совершенно несообразное с подлинностью...»

На слове «несообразное» перо нотариуса сорвалось вниз жирной фиолетовой кляксой, будто его окликнули в спину или рука старика дрогнула от внезапного стука в дверь приёмной. Короткий росчерк смазался по свежим еще буквам ладонью, оставив на чистом поле бледно-сизый след без линий и завитков, а конверт к письму так и остался не заклеенным, лежащим рядом с высохшей маркой.

Крутов шагнул через весь кабинет и заглянул следователю прямо через плечо.

«Семёновская метрика о раскольниках и закладная торгового дома Лаптева?» произнёс он совсем иным, настороженным тоном, и самоуверенная бодрость на его гладком лице мигом сменилась осторожной расчётливостью чиновника, почуявшего крупную купеческую склоку. «Уж не по делу ли наследства покойного Василия Карповича Лаптева, что судилось с его родным братом Артемием этой весной? Говорят, Артемий Карпович всю осень добивается опеки над имуществом вдовы, чтобы прибрать к рукам хлебные амбары и баржи на Стрелке!»

Не успел следователь сложить недописанное письмо на угол протокольной бумаги, как внизу, у входной двери с улицы, раздался тяжёлый гром голосов. Постовой городовой пытался

удержать кого-то на чугунных ступеньках, но широкие плечи и раскатистый, привыкший распоряжаться артелью крючников бас легко сдвинули преграду.

«Пусти, служивый, сказано тебе по-русски! У меня там доверенности и закладная, на сорок тыщ грузу в затоне стынет, а ты с шашкой поперёк дороги стал!»

Дверь приёмной распахнулась во всю ширину петель, и на пороге вырос сам Артемий Карпович Лаптев, купец первой гильдии и пароходовладелец, человек пятидесяти четырёх лет, грузный, с красно-кирпичным от ветра лицом, окладистой русой бородой с рыжей проседью и толстой золотой цепью по суконному жилету. На нём была тяжёлая хорьковая шуба, крытая чёрным сукном, из-под распахнутого ворота била густая волна остывшего конского пота, можжевеловой настойки и речного тумана. За спиной у купца переминался бледный, худощавый приказчик с деревянными счётами под мышкой и ввалившимися щеками.

«Иван Никифорыч... господи помилуй, да что ж тут у вас творится?» рявкнул Артемий Карпович, останавливаясь перед барьером приёмной и вперяя бычьи, налитые кровью глаза прямо в Головина и Крутова. «На базаре с зари брешут, будто Костылёва порешили! А мне к полудню в биржевой комитет да на пристань в Затон подаваться надо, у меня две баржи с баркасами лёд режет, а закладная и бумаги все у покойника с пятницы лежат! Не можете же вы купеческое дело под сургучом держать, господа хорошие!»

«Попрошу вас не кричать в помещении, где производится следственный осмотр, милостивый государь», произнёс Головин негромко, но с таким ледяным судебным холодом, что даже привыкший орать на матросов Лаптев невольно осёкся и сдёрнул с головы соболью шапку. «Вы находитесь при исполнении обязанностей судебного следователя Нижегородского окружного суда, и до окончания описи ни единая расписка, ни один акт отсюда выдан быть не может».

Артемий Карпович шумно засопел, отирая лоб тылом волосатой руки, но вдруг узнал Крутова, с которым не раз встречался на благотворительных обедах у городского головы, и сразу приладил к лицу тяжеловатую, полупритворную угодливость человека, знающего цену прокурорским бумагам.

«Ваше высокоблагородие, Серафим Ильич, уж рассудите по-христиански! Костылёв мне сам в субботу клялся, что к понедельнику все акты по Стрелке и по пароходным паям справит да мне под расписку вернёт. А нынче плашкоуты развели, Затон стынет, ежели я до вечера с банком и маклерами бумаг не сверю, мне вся осенняя фрахтовка колом станет! Неужто нельзя сейчас же мне мои купеческие векселя и закладную вынуть?»

Головин переглянулся с Крутовым и взял со стола чистый бланк для свидетельского показания.

«Коль скоро ваши бумаги, Артемий Карпович, прямо поминаются в бумагах покойного накануне его гибели», сказал следователь, присаживаясь обратно на стул и обмакивая стальное перо в чернильницу, «я обязан сначала допросить вас в качестве свидетеля прямо сейчас либо вызвать повесткой в камеру на Благовещенской площади к четырём часам пополудни. А выдать вам что-либо до проверки подлинности всех актов в Нотариальном архиве я по закону не властен».

Лицо купца потемнело ещё больше, жилы на бычьей шее вздулись под крахмальным воротничком, и в уголках глаз сверкнула не растерянность, а угрюмая, затаённая злость загнанного в угол зверя.

«Подлинности?» переспросил он глухо, шагнув к самому барьеру так, что сосновые перила жалобно скрипнули под его тяжёлым локтем. «Уж не эта ли стерва, невестка моя Аграфена Васильевна, вам в уши напела про подлинность? Баба без роду без племени, чей отец по скитам без венчания детей приживал, смеет ещё в купеческие дела нос совать и старика Костылёва против меня науськивать! Да я с этим Костылёвым в субботу два часа кричал в его кабинете, пока голос не сорвал! Он, вишь ты, вдруг упёрся рогом, говорит, без нового сноше-

ния со старшим нотариусом закладную на амбары подписывать не стану, будто бы там у кого-то в семёновских бумагах чернила не сошлись!»

Сухов быстро взглянул на следователя: чистосердечное раздражение купца само несло на себе признание в крупной ссоре с убитым буквально за полтора дня до смерти. Головин же не дрогнул ни единым мускулом, только точным, почти чертёжным движением вывел на полях допросного листа время и фразу Артемия Карповича слово в слово.

«Вы кричали на нотариуса Костылёва в субботу двенадцатого ноября», повторил Головин ровным, бесцветным голосом. «И где же вы, Артемий Карпович, изволили находиться вчера в воскресенье с вечера до нынешнего утра, и кто может подтвердить ваше местопребывание по часам?»

«Я?!» выдохнул Лаптев, едва не поперхнувшись, и вдруг замолчал, сообразив, куда гнёт следователь. «Да я... да весь трактир у Бубнова меня до десяти часов видел с хлебными торговцами из Рыбинска, а потом дома в нагорном доме у Варварской спал, люди мои в сенях и дворник подтвердят! И не глядите на меня так, господин следователь! Костылёв мне по делу нужен был живой, понимаете вы, живой! Ежели он до утра не вписал мои права да не засвидетельствовал расчётов, так у меня теперь весь караван на Стрелке под чужой протест и опись пойти может!»

Последние слова сорвались у купца почти искренним, хриплым отчаянием, в котором звучала не простая притворная злоба, а настоящий страх человека, внезапно обнаружившего, что земля под его тяжёлыми ногами дала трещину. Но в эту же секунду Головин заметил, как бледный приказчик за плечом Артемия Карповича чуть дёрнулся и украдкой взглянул на недопитый, накрытый бумагой стакан у самовара, а сам купец, словно опомнившись от лишней откровенности, поспешно надел шапку, поклонился сухо Крутову и пообещал явиться на Благовещенскую ровно в четыре часа, бросив на пороге короткое предупреждение, что без своих бумаг он жаловаться будет самому губернатору.

Когда тяжёлые шаги купца и скрип лестницы затихли внизу, Крутов обернулся к следователю с полунасмешливой, тревожной усмешкой.

«Ну вот вам, Фёдор Сергеевич, уже два следа вместо одного, а губернатор ждёт одного к вечеру», сказал он, застёгивая шинель на все блестящие пуговицы. «Сбежавший с обожжённой рукой писец и грозящий судами миллионщик-пароходовладелец, который в субботу кричал на покойника. Мой вам добрый совет как товарища по ведомству: не зарывайтесь в архивную пыль, пока след горяч. Обыщите ночлежки на Мильёшке, возьмите Сорокина и поглядите, что он вам выложит про субботний спор. А я тем временем доложу наверх, чтобы в Канавине на Московском вокзале и по постоялым дворам установили твёрдое наблюдение».

«Благодарю за усердие, Серафим Ильич», сухо отозвался Головин, укладывая опечатанные ключик, чёрный сургуч и обугленный обрывок вексельного реестра в плотные казённые конверты. «Розыск Сорокина я, разумеется, поручаю Николаю Афанасьевичу безотлагательно. Однако прежде Мильёшки мне надлежит переговорить ещё в одном доме в нагорной части. Ибо ни один купец не станет кричать о гибели своих барж просто так, и ни один писец не побежит в ночь с пустыми руками, если в деле не стоит третья тень».

Внезапно в коридоре скрипнула половица, и посыльный от старшего околоточного подал приставу запечатанную сургучом бумажку с вокзальной стороны, переправленную на лодке до полного развода последних звеньев переправы. Сухов развернул листок, пробежал глазами и присвистнул тихо, беззвучно покачав головой.

«Вчера поздним вечером с последнего хода по мосту, и нынче утром из Заречья», доложил пристав, опуская голос. «На Московском вокзале конторщик с телеграфа сообщил дежурному жандармскому унтер-офицеру, что около полуночи с города на ту сторону в санях проскакал какой-то господин в дорогой крылатке, требовал послать депешу в Москву, а утром, когда мост уже отвели и пришёл московский почтовый поезд, тот же самый господин вернулся

в Канавино и добился лодки на нагорный берег. И назвался он не чужим человеком, Фёдор Сергеевич, а поверенным самой вдовы Лаптевой, Василием Николаевичем Окуловым».

Головин медленно опустил перо, глянул на опечатанный конверт с мелкой крошкой жёлтого речного песка и смоляного дёгтя у своего локтя и впервые за всё морозное утро почувствовал, что нить этого запутанного клубка легла в его пальцы точно и крепко, как суровая архивная бечёвка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.